

Е. И. Снешилова

ЛОГИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФЕРЕНЦИИ ПУСТЫХ ТЕРМИНОВ: ВЕРСИЯ Б. РАССЕЛА

Проведено исследование проблем, связанных с наличием в языке пустых терминов. Рассматривается один из первых примеров осмысления речи о не-сущем, концептуализируются логико-онтологические проблемы референции пустых терминов в рамках аналитической философии. Предлагается критически рассмотреть способ интерпретации пустых сингулярных терминов, представленный в работах Б. Рассела, и оценить решение проблемы пустых сингулярных терминов в рамках предложенной им дескриптивной теории референции.

Ключевые слова: аналитическая философия, референция, пустые термины, существование, теория дескриптивизма, Бертран Рассел.

Речь о несуществующем, весьма распространенная в повседневной языковой практике, уже со времен античности неоднократно становилась предметом пристального исследования со стороны философов. Одним из первых примеров осмысления ситуации высказывания о том, чего нет, является известное утверждение Парменида: «Нельзя ни высказать, ни помыслить: “Не есть”» (28 В 8, 8–9 DK). Парменид упоминает два пути мышления: один путь – мышление о том, что нечто есть и что «не быть никак невозможно», – это путь убеждения и истины; второй – мышление о том, что «не есть и не быть должно неизбежно», – путь, который нельзя познать и как-либо выразить, не впадая в противоречие. С точки зрения Парменида, истинной является только речь о сущем; непротиворечивое утверждение аподиктического несуществования какого-либо объекта («Круглый квадрат не существует») и асерторического несуществования чего-то или кого-то («Наполеон не существует») оказывается невозможным. Конечно, столь радикальная позиция Парменида в отношении осмысления не-сущего продиктована его онтологической концепцией в целом, согласно которой бытие является неизменным, однородным, единым и вечным. Такое представление о бытии, во-первых, онтологически элиминирует не-сущее из порядка бытия: поскольку бытиеечно, оно никогда не возникало из небытия; поскольку оно однородно, то в нем самом мы нигде не обнаружим несуществующее. И, во-вторых, гносеологически исключает не-сущее из ряда познаваемых вещей: так как «мыслить и быть одно и то же» (28 В 3 DK), нельзя помыслить о том, чего нет, ибо не-сущее окажется сущим, если мы помыслим о нем.

Этот первый вариант осмысления речи о том, чего нет, запрет на высказывание о несуществующем и вместе с тем запрет на референцию к несуществующему оказал значительное влияние на дальнейшее исследование данной тематики. В связи с описанной теоретической ситуацией возника-

ет естественный вопрос: по каким причинам дискурс о не-сущем представляется столь проблематичным в контексте его логико-философского осмысления, тогда как в повседневной речи мы не испытываем никаких трудностей при разговоре о несуществующем? Цель данной работы – остановиться более подробно на сформулированных явным образом в рамках аналитической философии проблемах, возникающих в отношении высказываний о не-сущем, а также на критическом анализе решения этих проблем, предложенного Б. Расселом.

Как известно, одним из ключевых вопросов аналитической философии является вопрос о соотношении между языком и реальностью. Отвечая на этот вопрос, аналитики предлагают различные семантические теории, в которых тем или иным образом решаются проблемы тождества, синонимии, взаимозаменяемости кореференциальных терминов в различных контекстах и т. д. Наряду с этими проблемами перед каждой семантической теорией возникает задача объяснения референции к несуществующему, или, другими словами, семантики пустых терминов, т. е. терминов, у которых отсутствует так называемый физический референт. Пустые термины, иначе говоря, это и есть те термины, которые имеют референцию к несуществующему. Традиционно к ним относят:

- имена для объектов фикционального дискурса (Пегас, кентавр, Евгений Онегин);
- противоречивые понятия (круглый квадрат, женатый холостяк);
- определенные дескрипции, которые ни на кого (ни на что) не указывают (президент Антарктиды, король Франции в 1905 г.).

Среди перечисленных видов пустых терминов будут рассмотрены пустые сингулярные термины, т. е. пустые имена собственные (Евгений Онегин) и пустые определенные дескрипции (нынешний король Франции).

В контексте аналитической философии можно выделить две принципиальные проблемы, которые возникают в связи с функционированием пустых терминов в языке: онтологическую и логическую. Онтологическая проблема пустых терминов, по сути, является терминологически проработанной переформулировкой проблемы референции к несущему, которая встречается у Парменида. Выразительные способности нашего языка позволяют нам прямо называть то, что не существует [3, с. 21]. Но уместно ли вообще говорить в данном случае о референции к несуществующему? Известно, что в связи с этим возникает проблема так называемых отрицательных экзистенциальных предложений (т. е. предложений вида « x не существует»), в состав которых входят пустые термины. Если мы рассматриваем такие предложения как имеющие субъектно-предикатную форму¹, то они оказываются противоречивыми в силу того, что в них, если следовать грамматике таких предложений, некоторому субъекту приписывается свойство несуществования, в то время как сама процедура предикации предполагает наличие субъекта, которому это свойство приписывается. Иными словами, субъект высказывания описывается как одновременно и существующий, и несуществующий. Признание « x » в предложении вида « x не существует» референтным выражением и одновременно с этим принятие «аксиомы существования» референта x приводит нас к противоречию [8, с. 179–180].

Наряду с описанной онтологической проблемой в отношении предложений с пустыми терминами возникает интересная логическая проблема, связанная с тем, что, на первый взгляд, в предложениях с пустыми терминами нарушается закон исключенного третьего. Рассмотрим следующий пример. С одной стороны, по закону исключенного третьего² истинным должно быть либо высказывание с пустой определенной дескрипцией «Нынешний король Франции лыс» (а), либо высказывание «Нынешний король Франции не лыс» (b). Но, с другой стороны, так как нынешнего короля Франции не существует, его нельзя обнаружить ни во множестве лысых субъектов, ни во множестве тех, что не являются лысыми. Следовательно, ни (а), ни (b) не является истинным, и, значит, закон исключенного третьего нарушается.

Данную проблему впервые сформулировал Б. Рассел в статье «Об обозначении» [6, с. 13–14], в которой он вместе с тем предложил собственный логико-семантический проект, который, по его

мнению, может успешно справиться с проблемой референции пустых терминов. В этой статье Рассел вводит (с эпистемологической точки зрения) разделение знания по непосредственному знакомству (acquaintance) и знания по описанию (knowledge by description). Знакомство возможно только с тем, что мы можем воспринять в эмпирическом опыте; воспринимаемые вещи обозначаются непосредственно именами в логическом смысле. Те же вещи, которые не даны нам в опыте, но о которых мы все-таки можем нечто утверждать, например, «центр массы Солнечной системы», фиксируются с помощью обозначающих фраз (denoting phrases) [6, с. 7]. Обозначающие фразы бывают нескольких типов: фразы вроде «все люди», «некоторые лисы», «каждый попугай»; неопределенные дескрипции типа a so-and-so («а» человек, «а» желтое пальто и т. д.) и определенные дескрипции формы the so-and-so в единственном числе – «президент США», «мисс Россия – 2013», «сумма 43 и 54» и т. д. Как пишет Б. Рассел, «определенные дескрипции отличаются от неопределенных только одним: импликацией единичности» [5, с. 50]. Так, например, предложение «A man exists» является истинным при подстановке на место неопределенной дескрипции «a man» имени «Сократ», «Платон», «Иван» и так далее. А вот высказывание «The present King of Spain is exists», в которое входит определенная дескрипция «the present King of Spain», может быть истинным только при одном значении последней, а именно «Хуан Карлос I». Определенной дескрипцией будет являться также выражение «нынешний король Франции» («the present King of France»). Именно последняя будет интересовать нас больше всего, поскольку она не обозначает какого-то определенного человека, а значит, является пустой.

Дистинкция имен и дескрипций является одной из основополагающих идей логико-семантической концепции Рассела: «имя представляет собой простой (полный) символ, имеющий значение (соотнесенный с денотатом) сам по себе и предназначенный для выполнения функции субъекта суждения», «дескрипция же является неполным символом, приобретающим значение (отнесенность к денотату) только в составе предложения», и предназначается «для выполнения роли предиката (пропозициональной функции)» в нем [1, с. 8]. Имя есть знак определенной партикулярии; оно напрямую указывает на свой референт. Дескрипция же, даже если выполняет в предложении роль подлежащего, не указывает непосредственно на то, что она обозначает. Дескрипция задает определенные характеристики, которым может удовлетворять какой-либо объект или не удовлетворять; в последнем случае дескрипция ничего не обозначает.

¹ Если рассматривать их таким образом, то по аналогии с правоммерностью перевода «Иван не курит» в « $\exists x$ (x есть Иван & x не курит)» высказывание «Пегас не существует» правоммерно было бы переводить в « $\exists x$ (x есть Пегас & x не существует)».

² Истинно либо «А есть В», либо «А не есть В».

С расселовской точки зрения ошибка большинства философов, анализирующих предложения с пустыми терминами, заключается в том, что грамматический субъект этого предложения они принимают также за его логический субъект. Однако, по его мнению, фраза «нынешний король Франции» в высказывании «нынешний король Франции лыс» не является логическим субъектом, которому приписывается предикат «лысость», но так же, как и «лысость», относится к предикативной части. По сути, «нынешний король Франции лыс», по Расселу, не субъект-предикатное предложение, но предложение экзистенциальное, формализуемое с помощью квантора существования. Для более точного логического анализа суждений «нынешний король Франции лыс» и «нынешний король Франции не лыс» Б. Рассел использует понятия первичного и вторичного вхождения (соответствует связанному и свободному вхождению переменной) обозначающей фразы, введенные им прежде всего для решения проблемы взаимозаменяемости терминов «Скотт» и «автор *Уэверли*» в пропозициональных контекстах³.

Различие между первичным и вторичным вхождением можно проиллюстрировать расселовским примером с предложением «Георг IV желал знать, являлся ли Скотт автором *Уэверли*» [6, с. 18]. С одной стороны, мы можем понять это предложение как «Георг IV желал знать, один ли и только ли один человек написал *Уэверли* и был ли этим человеком Скотт»; в данном случае имеет место вторичное вхождение обозначающей фразы, поскольку она является только частью пропозиции, сперва нечто об обозначающей фразе утверждается (в данном случае «Георг IV желал знать»), и только потом она вводится. Однако это же предложение можно интерпретировать как «Один и только один человек написал *Уэверли*, и Георг IV желал знать, был ли Скотт этим человеком»; в этом предложении обозначающая фраза имеет первичное вхождение, поскольку она обозначает некоторого индивидуума. Первичное вхождение термина связано с допущением того, что область его значений не пуста, поэтому его можно формализовать с помощью квантора существования.

Данное разделение Рассел применяет к предложениям с пустыми терминами [6, с. 19]. Он заклю-

чает, что предложение «король Франции лыс» всегда ложно, поскольку если мы его формализуем, то получится, что «существует один и только один x , который является королем Франции и лысым». Так как «существует один и только один x » в данном случае ложно, то и все предложение является ложным. В случае же с предложением «король Франции не лыс» при определении истинностного значения играет роль указанное различие во вхождении. Если «король Франции» имеет здесь первичное вхождение, то предложение ложно, если вторичное, то оно истинно: «существует один и только один x , который является королем Франции и не является лысым» будет ложно, но «не существует x , который является королем Франции и является лысым» будет истинным высказыванием. Таким образом, с точки зрения Рассела, пропозиции, в которых имеет место первичное вхождение пустых терминов, ложны, а их отрицания следует считать истинными, поскольку в отрицаниях пустые термины можно рассматривать как имеющие вторичное вхождение.

По рассуждению Рассела, если в предложении утверждается существование некоторого «предмета», то обозначение этого предмета суть дескрипция: «только в отношении дескрипций – определенных или неопределенных – суждения о существовании осмысленны» [5, с. 53]. Если в суждении место субъекта занимает имя собственное в логическом смысле этого слова (конституента), то это значит, что оно называет некоторого реально существующего индивидуума, в противоположном случае это уже не имя. Поэтому про имена «бессмысленно говорить, что они существуют, и бессмысленно говорить, что они не существуют» [7, с. 79], если перед нами имя, то оно есть знак существующего, говорить дополнительно о его существовании избыточно, а говорить о его несуществовании – противоречиво.

Однако как же быть с именами вымышленных или мифических героев, ведь они формально не являются дескрипциями, т. е. не соответствуют форме «the so-and-so»? Б. Рассел предлагает трактовать их как скрытые, или сокращенные, дескрипции. Так, с этой точки зрения, имя «Аполлон» представляет собой дескрипцию вроде «Бог-Солнце». Следовательно, пропозиции, в которых «Аполлон» имеет первичное вхождение, ложны, а пропозиции, в которых «Аполлон» имеет вторичное вхождение, истинны [6, с. 20]. Согласно данному дескриптивному подходу к референции имен собственных имена трактуются как неполные, предикативные символы, что позволяет элиминировать их из числа выражений, имеющих прямую референцию.

Таким образом, логический аппарат Б. Рассела позволяет определить истинностное значение

³ Данная проблема связана с тезисом о взаимозаменяемости *salva veritate* тождественных терминов в любых пропозициях. Как кажется, в пропозициональном контексте такая взаимозаменяемость может нарушиться: например, если мы заменим «автор *Уэверли*» в предложении «Георг IV желал знать, являлся ли Скотт автором *Уэверли*» на «Скотт», то получим, что «Георг IV желал знать, являлся ли Скотт Скоттом». Однако, как пишет Рассел, «интерес к закону тождества вряд ли может быть приписан первому джентльмену Европы» [6, с. 13].

предложений, в которые входят пустые термины, и сохранить при этом закон исключенного третьего. Это, несомненно, является достижением расселовской концепции. Однако теория Б. Рассела вместе с тем имеет ряд существенных недостатков, о которых следует упомянуть.

В первую очередь, нельзя не заметить некоторую непоследовательность в расселовских рассуждениях об именах собственных в их логическом смысле. В одних работах Б. Рассел считает имена «Скотт», «Сократ», «Платон» и др. именами собственными, т. е. тем, что непосредственно указывает на определенного индивидуума, однако в других трудах он интерпретирует их наряду с именами вымышленных и мифических персонажей уже как скрытые дескрипции, называя логически собственными именами только указательные местоимения «это» и «то». В работе «Философия логического атомизма» (1918) можно найти как первую, так и вторую интерпретацию имен. В ней Рассел изначально утверждает, что в обычной речи все имена собственные принимаются как обозначение определенных индивидов, хотя многие из них суть скрытые дескрипции: «не только они, но и то, что они описывают, является не индивидами, но сложными системами классов или рядов» [7, с. 26]. Он полагает, что логически собственное имя может функционировать только как обозначение того, с чем (кем) говорящий знаком (в самом эмпирическом смысле); нельзя логически поименовать того, кого ты знаешь лишь по описанию. Следовательно, по словам Рассела, так как с Сократом мы не знакомы лично, мы не можем его и поименовать: «употребляя слово „Сократ“, мы на самом деле используем дескрипцию», т. е., говоря «Сократ», мы имеем в виду «учитель Платона», «философ, выпивший чашу цикуты» и т. д. [7, с. 26]. Если бы мы применили здесь аналогию с куайновским примером перевода имени «Пегас» в предикат «пегаситься», то имя «Сократ» можно было бы перевести в «сократиться», «Платон», например, в «платониться», а «Скотт» – в «скоттиться» [2, с. 13].

Согласно данной логике становится в принципе сложно найти имя в строго логическом смысле слова. Если свести значение имени только к тому, что может быть непосредственно воспринимаемо в момент речи, то самыми «строгими» именами окажутся слова «это» или «то», с помощью которых можно на что-то остенсивно указать. Так, Б. Рассел пишет, что для произносящего предложение «Это – белое», значением слова «это» будет то, что он видит [7, с. 26]. «Это» в данном случае есть имя собственное, а его значение – актуальный объект восприятия. При этом для слушателя «это» в данном предложении не будет иметь статуса имени собственного, так как у него нет доступа к актуальному восприятию говорящего, а значит, он не имеет на прямую доступа и к значению слова «это». В связи

с такой трактовкой значения абсолютно закономерно следующий вопрос: «если референцией обладают только логически собственные имена, которые человек применяет к элементам своего индивидуального чувственного опыта, то как вообще тогда возможна успешная речевая коммуникация между людьми, как вообще они могут использовать язык?» [4, с. 49]. Как возможно понимание того, о чем говорит собеседник, если одни и те же слова имеют для него одно значение, а для нас – другое? Индивидуальность значения слов, тем более при отсутствии у слов интерсубъективного смысла, сделала бы невозможной успешную коммуникацию.

Вместе с тем в «Философии логического атомизма» несколько позже Рассел пишет, что «Скотт» может быть именем собственным в логическом смысле: «Когда я говорю: „Скотт является автором *Уэверли*“, и „является“ выражает тождество, причина того, что здесь тождество может быть выражено верно и нетавтологично, состоит как раз в том, что одно есть имя, а другое – дескрипция» [7, с. 73]. Конечно, Рассел здесь же добавляет, что «Скотт» может быть и дескрипцией, но тем не менее в большинстве случаев рассматривает «Скотт» как имя. Очевидно, конечно, что в эмпирическом опыте Б. Рассел никогда Вальтера Скотта не встречал и не был с ним знаком, т. е. Вальтер Скотт никогда не был актуальным объектом расселовского восприятия. Тогда почему же он полагает, что «Скотт» – это имя наряду с именами «Наполеон», «Георг IV»? По всей видимости, неопределенность в трактовке имен собственных в логическом смысле связана с последовательным развитием в творчестве Б. Рассела эмпиристской установки: в статье «Об обозначении», например, лишь появляются идеи логического эмпиризма (в разделении видов знания), а в работе «Философия логического атомизма» уже актуально проявлено стремление свести знание к непосредственно данному. Сам проект такого сведения знания к *sense data*, в дальнейшем ярко представленный в работах неопозитивистов, потерпел неудачу. В целом, конечно, непоследовательность в определении логически собственных имен следует признать одним из недостатков логико-семантической концепции Б. Рассела.

Однако более значимым недостатком расселовской теории является ее несоответствие практике употребления пустых терминов, имеющих отношение к фикциональному дискурсу, т. е. к дискурсу, участники которого разделяют пресуппозицию о том, что обсуждаемые персонажи, места или вещи являются вымышленными, мифологическими и т. д. Применение предложенного Б. Расселом способа формализации к такого рода высказываниям приводит к парадоксальным для обычной речевой практики выводам. Так, например, согласно теории Б. Рассела, предложение «Евгений Онегин убил Ленского» должно квалифицироваться как

ложное, поскольку Евгения Онегина никогда не существовало. Вместе с тем очевидно, что мы оцениваем данное предложение как истинное, поскольку оно соответствует «литературному факту», имеющему место в одноименном романе. Расселовская концепция оказывается аномальной в отношении оценки предложений, входящих в фикциональный дискурс.

В заключение стоит сказать, что эти два замечания представляют собой лишь малую часть критики в адрес концепции Б. Рассела, основной массив которой представлен в работах таких авторов, как П. Ф. Стросон, К. Доннелан и др. Работы названных исследователей должны стать предметом специального анализа.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 5–40.
2. Куайн У. В. О. О том, что есть / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева // С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 7–23.
3. Ланкин В. Г. Взаимодействие принципов логики и языка в смысловой организации мышления // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2001. Вып. 3 (28). С. 14–22.
4. Макеева Л. Б. О референции и онтологии // Эпистемология и философия науки. 2010. № 3. С. 42–57.
5. Рассел Б. Описания / пер. с англ. Н. Д. Арутюновой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 41–54.
6. Рассел Б. Об обозначении / пер. с англ. В. А. Суровцева // Язык, истина, существование. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. С. 7–22.
7. Рассел Б. Философия логического атомизма / пер. с англ. В. А. Суровцева. Томск: Водолей, 1999. 192 с.
8. Сёрл Дж. Р. Референция как речевой акт / пер. с англ. Т. В. Радзиевской // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 179–202.
9. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1. 576 с.

Спешилова Е. И., аспирант.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: e.speshilova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 23.09.2013.

E. I. Speshilova

LOGICAL AND ONTOLOGICAL PROBLEMS OF “EMPTY” TERMS REFERENCE’S: VERSION BY B. RUSSELL

The article is devoted to the study problems related with the presence of “empty” terms in the language. One of the first examples of understanding the speech of not-being is considered; logical and ontological problems of “empty” terms reference’s are conceptualized in analytic philosophy. The author offers a critical examination of the interpretation of “empty” singular terms, represented in the works by B. Russell, and evaluate the solution of the problem of “empty” singular terms in the context of his descriptive theory of references.

Key words: *analytic philosophy, reference, “empty” terms, descriptive theory of references, Bertrand Russell.*

References

1. Arutyunova N. D. Linguistic problems of reference. *Innovations in Foreign Linguistics*. Vol. XIII. Logic and Linguistics (Problems of Reference). Moscow, Raduga, 1982. p. 5–40 (in Russian).
2. Quine W.V.O. *From a logical point of view*. New York, Harvard Univ. Press, 1963. (Russ. ed.: Quine W.V. The fact that there is. From a logical point of view: 9 logical and philosophical essays. Per. S angl. V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Tomsk, TSU Publ., 2003. pp. 7–23).
3. Lankin V.G. Interaction principles of logic and language in the semantic organization of thinking. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2001, no. 3 (28), pp. 14–22 (in Russian).
4. Makeeva L. B. About references and ontology. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2010, no. 3, pp. 42–57 (in Russian).
5. Russell B. A. W. *Descriptions*. (Russ. ed.: Russell B. Deskriptsii. per. s angl. N.D. Arutunova. Novoe v zarubezhnoy lingvistike. vol. XIII. Logika i lingvistika (Probemi referentsii). Moscow, Raduga, 1982. Pp. 41–54).
6. Russell B. *On denoting*. *Mind, New Series*, Vol. 14, no. 56. (Russ. ed.: Russell B. Ob oboznachenii. per. s angl. V.A. Surovtsev. Yazik, isnina, sushchestvovanie. Tomsk, TSU Publ., 2002. Pp. 7–22).
7. Russell B. *The philosophy of logical atomism*. *Open Court, La Salle*, 1993 (Russ. ed.: Russell B. Filosofia logicheskogo atomisma. per. s angl. V. A. Surovtsev. Tomsk, Vodoley, 1999. 192 p.)
8. Searle J.R. *Reference as a speech act*. (Russ. ed.: Searle J.R. Referentsia kak rechevoy akt. Per. s angl. T.V. Radzievskaya. Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vol. XIII. Logika i lingvistika (Problemi referentsii). Moscow, Raduga Publ., 1982. pp. 179–202).
9. *Fragments of the early Greek philosophers*. Moscow, Nauka Publ., 1989. Part 1. 576 p. (in Russian).

National research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: e.speshilova@yandex.ru